

Пытаться упорядочить терминологию — дело практически безнадёжное. Однако поднять этот вопрос заставляют проведённые в последние десятилетия продуктивные исследования русских летописей как анналов. Они изменили общее теоретическое поле летописеведения, что влечёт необходимость хотя бы попытки переосмыслить рабочую терминологию в этой области научного знания.

Игорь Данилевский

О пользе сомнений: взгляд «изнутри»

Igor Danilevsky (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

The benefits of doubt: a look «from the inside»

DOI: 10.31857/S086956870005867-4

Как и В.Г. Вовина-Лебедева, начну с цитаты: «Сомнение является для учёного орудием его труда. Когда он собрал в горсть все существующие разрозненные факты, он старается их соединить между собой в какую-нибудь теорию, общее представление. Если он хороший учёный, как только он это сделал, он начинает ставить своё собственное представление под вопрос, начинает спрашивать себя: нет ли логической ошибки в моём построении, нет ли передёргивания, нет ли чего-нибудь непродуманного и недодуманного, нет ли где-нибудь трещины? И ещё: если он всего этого не находит, он начинает искать новые данные, от которых рухнет его представление, потому что ему не его представление дорого, а та реальность, которую он исследует. И он потому может ставить под вопрос своё представление, что ни одной минуты не колеблется в той реальности, которая вокруг него есть»¹. Эти слова произнесены человеком, казалось бы, весьма далёким от науки, да ещё и в беседе о вере².

Не знаю, читал ли митрополит Антоний Карла Поппера, но попперовская идея фальсифицируемости как основного критерия научности теории или гипотезы изложена здесь предельно ясно: любые высказывания содержат информацию о реальности только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом. В науке нет места «окончательным точкам зрения».

Любой автор, предлагающий новый подход к объекту своего исследования или объяснение некоторому количеству наблюдений, всегда стремится подобрать подтверждающие аргументы. В этом его сила — и одновременно слабость. В своём труде порой бывает сложно уловить низкую степень доказательности в собственных рассуждениях. Гораздо легче это увидеть в чужой работе. «Чужому» глазу (тем более взгляду человека, который принципиально не согласен с тобой) виднее. Но тут следует помнить, что научная дискуссия (если она носит действительно научный характер) не должна сводиться к оценочным суждениям («нравится» — «не нравится», «убедила» — «не убедила»). Гораздо важнее (обратимся вновь к Попперу) выяснить: а) не имеет ли предложенная гипотеза внутренних противоречий; б) нет ли в ней тавтологии; в) позволяет

¹ Антоний, митр. Сурожский. О вере // Антоний, митр. Сурожский. Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С. 89.

² Выступление в Московской духовной академии 24 сентября 1971 г. (Там же. С. 56).

ли она увидеть то, что прежде было не видно или не заметно, и, наконец, г) проходят ли предложенные логические следствия эмпирическую проверку (для гуманитариев — имеют ли они подтверждения в текстах исторических источников). Но сделать это можно лишь после того, как гипотеза или теория сформулирована. При этом следует помнить, что «теории *никогда* эмпирически не верифицируемы»³.

Естественно, в каждой новой теории всегда существуют слабые места. Вопрос лишь в том, разрушают ли эти слабые места саму теорию, либо это — частный момент, который просто может быть уточнён или скорректирован (можно вспомнить шахматовские «большие скобки», как назвал их М.Д. Присёлков). И потому, с одной стороны, важно такие места искать и критиковать (но, скорее, не в общих обзорах, а в рецензиях на конкретные работы того или иного автора). С другой, пытаюсь дать общую картину того, что сделано за последние десятилетия (в нашем случае в изучении древнерусского летописания), как мне представляется, гораздо важнее обратить внимание на перспективы, открывающиеся благодаря новым подходам. Именно поэтому я не считаю необходимым вступать в полемику по частным вопросам и постараюсь представить своё видение и нынешней ситуации в изучении летописания.

В замечательном историографическом обзоре, данном лучшим на сей день специалистом в области летописной историографии В.Г. Вовиной-Лебедевой, на мой взгляд, есть несколько позиций, нуждающихся в уточнении. Естественно, каждый видит только то, что он может и хочет увидеть (это, конечно, не снимает ответственности с автора, возможно, недостаточно ясно сформулировавшего то, что он хотел донести до своего читателя). Любой другой взгляд на те же самые проблемы может выявить иные стороны историографии древнерусского летописания, по каким-то причинам оказавшиеся незаметными для коллег, и, может быть, уточнить или скорректировать некоторые моменты.

Принципиально важным, на мой взгляд, является то, что раннее древнерусское летописание изучается представителями смежных, но различных наук: с одной стороны, это филологи (литературоведы) и лингвисты, с другой — историки. Объект их изучения один и тот же, но предметы — разные. Первых интересует прежде всего форма: тексты как таковые и их история, историческая лексика, грамматика и морфология, а также образная система, используемая летописцами. Вторые же пытаются за этими образами, за внешней оболочкой текста разглядеть реальные события прошлого. Исходя из описания, историки стараются понять, что происходило «на самом деле», а что является формой, способом, с помощью которых автор источника пытался зафиксировать увиденное или услышанное им. И здесь на помощь приходят литературоведы и лингвисты. Изучая историю, генеалогию текста, они закладывают основу исторических построений: позволяют историкам установить, может ли тот или иной текст рассматриваться в качестве исторического источника, а также какой вид ретроспективной информации имеется в их распоряжении (верифицируемая, уникальная, или же это прямые или косвенные цитаты из других произведений). Без учёта всех этих моментов научное историческое познание невозможно. В свою очередь, историки дают литературоведам и лингвистам историческую основу для их построений: историю этносов, политических и социальных структур. И уже такое разграничение ставит под вопрос возмож-

³ Поннер К. Логика научного исследования. М., 2005. С. 37.

ность причисления историков, скажем, к той или иной лингвистической школе и наоборот. Скорее, речь идёт об использовании достижений и методов смежных дисциплин для достижения «своих» — исторических или, напротив, филологических целей. А методы и подходы они разрабатывают специфические для данной дисциплины.

Граница здесь весьма тонкая и не всегда заметная, но от того не менее чёткая. Порой эти два подхода пересекаются: их представители так или иначе вторгаются в «чужую» территорию. Но это — скорее исключение, нежели правило. Впрочем, существует и вполне «легальное» поле совместных исследований — история культуры. И здесь изучение летописания как культурного феномена является плодом совместных разработок гуманитариев.

Однако вопросы, поднятые Вовиной-Лебедевой, касаются почти исключительно работ историков. Из современных лингвистов она подробно рассмотрела лишь исследования А.А. Гиппиуса; упоминаются также статьи А. Тимберлейка, О.Б. Страховой и Л.Ф. Килиной. Что же касается современных литературоведов, то внимание уделено только одной статье А.Я. Сендеровича. Все прочие работы написаны историками (даже если в работе они применяют методы, сходные с методикой Гиппиуса, и причисляются в обзоре к его школе).

Начну с текстологии древнерусского летописания. За последнее время в этом направлении в методическом плане самый большой вклад внесён А.А. Гиппиусом. Использование данных и методов истории языка позволило ему предложить лингвотекстологическую стратификацию ранних летописных текстов. Это, безусловно, серьёзный инструмент, помогающий уточнять и корректировать результаты традиционного текстологического анализа, вычленять (хотя бы предположительно) ранние летописные слои и отделять их от более поздних дополнений и вставок. По своему значению и научному потенциалу методика Гиппиуса, наверное, можно сравнить с теорией «общих ошибок» К. Лахмана. Однако им присущи как общие достоинства, так и общие ограничения — о чём, собственно, и писала О.Б. Страхова. На мой взгляд, дискуссия между ними, о которой упоминает Вовина-Лебедева, обозначает не две противоположные позиции по отношению к стратификации летописных текстов на основании данных языка. Речь идёт о границах применения такого подхода и критериях верификации (или опровержения) его результатов. Во всяком случае, эта методика не может быть основной при стратификации текстов летописей, хотя и способна корректировать и верифицировать результаты «классического» анализа.

Однако в собственно текстологических исследованиях раннего летописания наиболее серьёзные достижения приходятся на долю историков. Работая в рамках традиционного текстологического исследования, Т.Л. Вилкул, работы которой упоминаются в статье Вовиной-Лебедевой лишь мельком, пришла к выводам, радикально меняющим наши представления о том, какие летописи сохранили наиболее ранние тексты, а также о том, как выглядели начальные этапы древнерусского летописания.

В основе её исследования лежит довольно элегантная рабочая гипотеза, подвергающая сомнению общепринятую пока точку зрения на завершающий этап формирования раннего летописания Древней Руси, согласно которой в Новгородской I летописи сохранился текст Начального свода, непосредственно предшествующий Повести временных лет, дошедшей до нас — с большими

или меньшими изменениями — в Лаврентьевском, Ипатьевском и близким им списках. По мнению же Вилкул, напротив: начальная часть Новгородской I летописи представляет собой переработанный текст Повести, несколько сокращённый и одновременно дополненный вставками из хронографических сочинений. Такую точку зрения в той или иной степени разделяют некоторые современные авторитетные исследователи древнерусского летописания (А.Г. Бобров, Д. Островский, А.П. Толочко и др.). До последнего времени дело ограничивалось отдельными (порой весьма интересными и важными) наблюдениями и предположениями, однако данный тезис не получал систематического обоснования.

Именно такое доказательство и предложила Т.Л. Вилкул. На основе тщательного текстологического сличения текста начальной части Новгородской первой летописи с текстом Хроники Георгия Амартола она пришла к выводу, что, вопреки утверждениям А.А. Шахматова, новгородский летописец использовал эту хронику. Мало того, в ходе сравнения летописей с дошедшими до нашего времени хронографическими компиляциями ею установлено, что в Новгородской первой летописи присутствуют цитаты, отдельные выражения и сюжетные заимствования из хронографов, следы которых в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (т.е. в Повести временных лет) проследить не удаётся. На этом основании сделан вывод, прямо противоположный выводу Шахматова. Тот полагал, что в Новгородской I летописи отсутствуют цитаты из Хроники Георгия Амартола, встречающиеся в Лаврентьевском и Ипатьевском списках Повести временных лет. Удалить из неё все такие цитаты (в том числе немаркированные) было невозможно и, главное, бессмысленно. Поэтому текст, в котором они не обнаружены, следует считать первичным по отношению к текстам, где Георгий Амартол цитировался. Из этого и делался вывод о том, что в Новгородской I летописи мы имеем текст так называемого Начального свода.

Теперь же оказалось, что текст Новгородской I летописи помимо выдержек из Георгия Амартола содержит цитаты из источника (источников), не привлекавшихся составителем Повести временных лет. Это дало точно такие же логические основания для вывода прямо противоположного: текст этой летописи вторичен по отношению к тексту свода, сохранившемуся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Вывод практически безупречный, так сказать, равный по силе и обратный по направлению шахматовскому.

Текстологические штудии Вилкул, естественно, не снимают вопроса о том, что Повести временных лет предшествовал некий «Начальный» свод. Однако если гипотеза Вилкул верна, его состав и время создания нуждаются в новом исследовании. Тем более что она не снимает других аргументов Шахматова, которыми тот обосновывал существование свода, составленного в 1090-х гг. Кстати, ни Вовина-Лебедева, ни Гиппиус⁴ не заметили, что статья автора этих строк⁵ (поддержанная Толочко и Вилкул)⁶ не только подвергает сомнению возможность использования данных летописной статьи 6604 г. для

⁴ Гиппиус А.А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 251—264.

⁵ Данилевский И.Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9. С. 7—17.

⁶ Толочко А.П. «Слышахомъ преже трехъ лѣтъ» // Ruthenica. 2011. № 10. С. 224—228; Вилкул Т.Л. «Преже сихъ 4 лѣтъ»: 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя Повести временных лет // Palaeoslavica. Vol. XXV. 2017. № 2. Р. 229—247.

датировки «третьей редакции» Повести временных лет, но и даёт дополнительный аргумент в пользу существования Начального свода.

Ещё одним важным направлением изучения древнерусского летописания является исследование систем летосчисления, используемых авторами первых летописных сводов. К сожалению, эта тема не относится к числу «популярных» среди историков. Тем не менее впервые в историографии появилась работа, автор которой взялся за этот нелегкий труд. Речь идёт о солидной, хотя и во многом спорной монографии С.В. Цыба⁷, вышедшей уже двумя изданиями и незаслуженно обойдённой вниманием специалистов. Множество наблюдений, гипотез и догадок по поводу систем счёта лет в Повести временных лет, сформулированные в ней, нуждаются в самом пристальном внимании и обсуждении. Во всяком случае, появление её — важная веха в невероятно сложных вопросах древнерусской хронологии. Также нуждаются в осмыслении любопытные статьи В.Г. Лушина, вышедшие, к сожалению, в малотиражном сборнике⁸. Но пока они обсуждаются преимущественно нашими украинскими коллегами⁹.

Ситуация осложняется тем, что для древнерусских летописцев даты, помимо всего прочего, могли иметь ещё и символический смысл¹⁰. Проблемы изучения систем летосчисления, которыми пользовались ранние летописцы, важны ещё и тем, что переходы с одной из них на другую могут стать важным маркером стратификации летописных текстов — возможно, не менее эффективным, нежели данные истории языка.

Одной из важнейших проблем изучения древнерусского летописания как исторического источника является корректное понимание летописных текстов. Как ни парадоксально, основной прорыв и здесь сделали не филологи или лингвисты, а историки. Прежде всего это касается летописной лексики. С одной стороны, казалось бы, лексикологи проделали колоссальную работу по созданию исторических словарей (работа над которыми, к сожалению, пока не завершена)¹¹. С другой — уже давно поставлен вопрос о том, насколько терминология, используемая историками при трансляции древнерусских текстов,

⁷ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1994; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011.

⁸ Лушин В.Г. Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет // Историко-археологические записки. [Кн.] 1. Зимовники, 2010. С. 22—32; Лушин В.Г. Симметричность летописных дат IX — начала XI в. // Историко-археологические записки. [Кн.] 1. С. 33—38; Лушин В.Г. 882—862—852 // Историко-археологические записки. [Кн.] 1. С. 39—44; Лушин В.Г. О князьях-малолетках (часть 1-я) // Историко-археологические записки. [Кн.] 2. Зимовники, 2012. С. 11—19. Ср.: Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // Ruthenica. Вып. 2. Київ, 2003. С. 108—114.

⁹ Толочко А.П. [Ред. на:] Историко-археологические записки. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010 // Ruthenica. Вып. 10. Київ, 2011. С. 261—269; Аристов В.Ю. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ // Ruthenica. Вып. 11. Київ, 2012. С. 162—166.

¹⁰ См., например: Данилевский И.Н. Смысл хронологического расчёта 6360 года в Повести временных лет // Россия в X—XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. Москва, 26—28 января 1995 г. М., 1995. С. 161—163; Данилевский И.Н. Символика дат и название Повести временных лет // Источник. Метод. Компьютер. Сборник научных трудов. Барнаул, 1996. С. 11—22; Данилевский И.Н. Восприятие пространства и времени в Древней Руси // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. М., 2001. С. 98—145.

¹¹ Старославянский словарь: по рукописям X—XI веков. М., 1994; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—30. М., 1975—2017 (издание продолжается); Словарь древнерусского языка: XI—XIV вв. Т. 1—11. М., 1988—2016 (издание продолжается).

соответствует семантике тех или иных древнерусских лексем (прежде всего обозначающих те или иные социальные страты и «политические» образования)¹². Работа в этом направлении только начинается, но её результаты впечатляют¹³.

Вместе с тем сделаны определённые шаги в понимании того, что можно было бы назвать идеологией древнерусского летописания. Герменевтический подход, основывающийся на выявлении «точек опоры» в виде прямых и косвенных цитат (преимущественно библейских), встречающихся в летописях, — лишь один из возможных путей в этом направлении. Он, однако, берёт своё начало вовсе не в работах литературоведов. Традиционно филологи (а за ними и историки), занимавшиеся древнерусским летописанием, рассматривали «церковную риторiku» и «устойчивые литературные формулы» как «литературный этикет», некие орнаментальные заставки или архитектурные излишества, которыми можно пренебречь. Так, Д.С. Лихачёв, чьи труды по праву в значительной мере определяют развитие современного источниковедения Древней Руси, считал, что «летописец... только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу», в этом просто «сказывался... средневековый “этикет” писательского ремесла». Поскольку же, по словам Лихачёва, «провиденциализм... не является для него [летописца] следствием особенностей его мышления», становилось очевидным, что «отвлечённые построения христианской мысли», встречаемые в летописных сводах, нельзя толком использовать даже для изучения мировоззрения автора той или иной записи: «Свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам»¹⁴.

Одним из первых, кто не просто выявил библейские цитаты в средневековых исторических текстах, но обратил внимание на то, что многие недостоверные сведения в этих источниках восходят к библейским образам и фразеологии, был немецкий источниковед Х. Бреслау¹⁵. Его ученик Т. Рудольф развил эту идею, изучая одну из глав Хроники Гельмольда¹⁶. Однако обе эти работы

¹² Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей. Человек в истории: Картина мира в народном и учёном сознании*. 1994. М., 1994; *Данилевский И.Н. Русский социокультурный тезаурус // Русский исторический журнал*. 1998. Т. 1. № 1. С. 117—127; *Данилевский И.Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: Возможности и пути корректного описания // Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 147—168; *Кром М.М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю?* М., 2013. С. 94—125; *Горский А.А. Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь*. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 7—12 (то же в кн.: *Горский А.А. «Бецисленя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X—XV вв.* СПб., 2018. С. 6—12).

¹³ *Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального*. 1997. М., 1998. С. 146—170; *Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X—XI веках*. М., 2012; *Лукин П.В. Новгородское вече*. М., 2014; *Полехов С.В. Об употреблении слова «княжество» в грамотах Юго-Западной Руси конца XIV века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9—10 ноября 2017 г. М., 2017 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 104. Сер. II. Исторические исследования: 57). С. 51—57; *Данилевский И.Н. «Бояре»: историографическая традиция vs свидетельства древнерусских источников // Середньовічна Русь: проблеми термінології*. Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 51—66.

¹⁴ *Лихачёв Д.С. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк // Повесть временных лет*. Изд. 2. СПб., 1996. С. 297.

¹⁵ *Breslau H. Aufgaben mittelalterlichen Quellenforschung*. Strassburg, 1904.

не привлекли внимания современных им историков и источниковедов. Следующий — и очень важный — шаг сделал Д.Н. Егоров¹⁷. Именно он обратил внимание на «библиократизм» средневековой литературы. Однако и его чрезвычайно интересное во многих отношениях исследование, по существу, оставалось забытым до самого последнего времени. Между тем практически все его наблюдения не потеряли своего значения и сегодня.

Егоров, в частности, писал: «Выявление степени влияния церковного элемента позволяет подойти к средневековому писателю с совершенно новой и, мне кажется, весьма плодотворной стороны: возникает цепь новых вопросов, выясняются многие незамеченные подробности не только стиля, но и метода его работы. Специально для рассмотрения средневекового историка выясняется ряд новых критических задач, в значительной степени меняющих благосклонное, в общем, и доверчивое к нему отношение»¹⁸.

Исследователь точно и ёмко охарактеризовал влияние Библии на тексты средневековых источников: «Вопрос о степени влияния церковного элемента на все проявления средневековой литературы удобно и ненасильственно можно свести к вопросу о влиянии *Писания*, о чём, странным образом, до сих пор нет ни одного исследования. Влияние Библии на всё средневековье ни с чем не сравнимо и стоит в теснейшей зависимости от общей церковности всей культуры. Писание — единственная основа всякого знания и для великого богослова, и для начинающего школьника; изучение его — единственная и конечная цель: все остальные дисциплины имеют лишь прикладное значение, являются лишь “*instrumentum*”, и недаром иногда *scriptura* и *theologia* синонимизируются. Писание — богооткровенно, а посему, и в целом, и в малейших своих крупичках, даёт знание совершенное, абсолютное; библейские слово или фраза — *auctoritas* неоспоримой ценности. И вот, часто Библия в Средние века представляется в виде бесконечной сокровищницы аргументов, убедительнейших цитат, одинаково пригодных и одинаково доказательных для всякого спора, богословского или политического. Полемисты времён Генриха IV, Филиппа Красивого, Людовика Баварца, вплоть до “монархомахов” и Мильтона, опираются не столько на факт, сколько на “слово”. Умение цитировать равносильно умению диспутировать... Но, конечно, значение Библии не исчерпывалось и в средние века буквальным значением её *слов*, вырывааемых иногда чрезвычайно произвольно из общего контекста, чем и объясняется бесконечность и бесплодность большинства средневековых споров. Библия не только непревзойдённый арсенал словесных аргументов, но и великая божественная *энциклопедия примеров*, целостных фактов, поучительных событий. Раскрыть все богатство фактических примеров может лишь толкование, экзегеза, и, поэтому способы толкования, а в связи с ними и ёмкость божественной энциклопедии, её безграничная

¹⁶ Rudolph Th. Die Niederlandischen Kolinien Der Altmark Im XII Jahrhundert: Eine Quellenkritische Untersuchung. Berlin, 1889.

¹⁷ Егоров Д.Н. Новый источник по истории прибалтийских славян // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями, ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года). М., 1909. С. 332—346; Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1. Материал и метод. М., 1915; Т. 2. Процесс колонизации. М., 1915. Приношу искреннюю благодарность Б.С. Кагановичу, обратившему моё внимание на эти работы.

¹⁸ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения... Т. 1. С. 105.

приложимость ко всяческим явлениям современности всё увеличиваются: кроме «литерального», буквального значения постепенно всё расширяется круг индизнаказательного толкования — находят смысл моральный, тропологический, аналогический, типический. Таково *научное* значение Библии для средневековья»¹⁹.

Всё это, как мне представляется, справедливо и для древнерусского летописания. Библейские образы и цитаты использовались летописцами не для «украшения», не просто как «вариации на библейскую тему», а как способ оценок и характеристик описываемых личностей и событий. Такой подход к библеизмам в летописных текстах дал возможность предложить гипотезу, позволяющую непротиворечиво объяснить зарождение «классического» летописания XI—XVI вв. и его прекращение, отбор событий, подлежащих фиксации и форму их описания, набор цитируемых текстов, выявить смысл тех или иных конкретных сюжетов в их взаимосвязи, цель создания летописных сводов и даты их завершения, появление в них годовых, календарных и часовых дат, ближе подойти к тому, что можно назвать идеологией древнерусского автора. Естественно, всё это не исключало использования летописей в тот или иной момент древнерусской истории в иных целях. И если некоторые трактовки отдельных сюжетов представляются неубедительными, то сама гипотеза пока не фальсифицирована, и пока, насколько мне известно, не предложена альтернативная гипотеза, которая бы лучше, экономнее объясняла все эти моменты (естественно, речь не идёт о том, что «летописцам просто так нравилось писать»). Остаётся только ждать, когда такая гипотеза будет сформулирована (а то, что будет — не сомневаюсь).

Помимо всего прочего, выявление прямых и косвенных библеизмов позволило выделить часть летописной информации, которая, собственно, и представляет интерес для восстановления того, «как это было на самом деле». Как писал Егоров, «в библеизме как раз кроется то *типичное*, лишь по *выделении* которого мы можем получить действительно индивидуальное и оригинальное. Лишь после “проверки на Библию”, в которой... нуждается любой средневековый исторический памятник, мы можем действительно поставить вопрос о самостоятельности и ценности его данных»²⁰. Так что такой подход не только не «провозглашает... принципиальный уход от разработки проблемы достоверности летописных сообщений», как почему-то считает В.Г. Вовина-Лебедева, но, напротив, создаёт необходимые условия для выявления в летописях достоверной ретроспективной информации²¹.

И тут возникает ещё одна проблема: как использовать ранние летописные тексты в конкретно-исторических исследованиях. Этот вопрос беспокоил историков уже давно. Один из самых последовательных сторонников А.А. Шахматова М.Д. Присёлков ещё в 1941 г. пришёл к выводу, что Повесть временных лет — источник «искусственный и мало надёжный»²². Об этом выводе отечественные историки стараются не вспоминать: так или иначе, сообщения Повести временных лет лежат в основе практически всех исследований по истории Древнерусского государства. Они вполне разделяют мысль, сформулированную ещё М.А. Алпатовым: «По своему реалистическому подходу к историческим

¹⁹ Там же. С. 105—107.

²⁰ Там же. С. 114.

²¹ Подробнее см.: Данилевский И.Н. Историческая текстология. Учебное пособие. М., 2018.

²² Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941. С. 216.

явлениям “Повесть” для своего времени стоит на сравнительно высоком уровне... “Повесть временных лет” была и остаётся не только главным, но и достаточно достоверным источником по древнейшей Руси и по истории русской исторической науки... По достоверности материала “Повесть” может стоять рядом с теми западными “Историями”, которые отличаются наибольшей достоверностью... Эйнгард должен быть поставлен ниже “Повести” — ради своего героя он обращается с историческим материалом слишком произвольно», и т.д., и т.п.²³ И хотя вывод Присёлкова, по словам Я.С. Лурье, «другим историкам казался парадоксальным», он «вытекал именно из трезвой оценки источниковедческой базы: для истории IX—X вв. “Повесть временных лет” является недостаточно надёжным источником»²⁴. С этим соглашался М.Н. Тихомиров: «Вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого в нем события?»²⁵. Тем не менее историки продолжают повторять летописные легенды (а то, что такие предания не выдумывались, а лишь записывались летописцами, хотя те и заключали их в христианскую «оболочку», сомнений нет). Тем самым они проявляют удивительную непоследовательность, поскольку принимают все предшествующие высказывания Присёлкова о древнерусском летописце; мало того, упрекают учёного в тех случаях, когда он временами пытается смягчить свои оценки²⁶. Между тем вывод о недостоверности информации Повести временных лет — единственное строгое логическое умозаключение, которое должно следовать практически из всех построений исследователей раннего летописания, касающихся жизненных ориентаций древнерусского летописца.

Лишь в последнее время А.П. Толочко попытался впервые написать историю Древней Руси без опоры на Повесть временных лет²⁷. В этом и заключается основное достоинство работы украинского исследователя — как бы ни относились к тем или иным его пассажам. Он просто постарался реализовать то, что было, так сказать, завещано классиками отечественного летописного источниковедения. Кстати, собственно источниковедческие замечания (а не специальные исследования) играют в работе Толочко вспомогательную роль. И если одни из них вызывают вполне справедливую критику, то многие другие представляют интерес и заслуживают самого пристального внимания и изучения.

Современное источниковедение древнерусского летописания стоит перед новыми проблемами (или, как сейчас модно говорить, «вызовами»). Нарботанный исследовательский арсенал уже позволяет решить некоторые из них. Но ещё больше предстоит сделать — и в плане предложения и апробации новых подходов к этому непростому источнику, и в плане корректировки использования летописного материала в конкретно-исторических исследованиях.

²³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: X—XVII вв. М., 1973. С. 105.

²⁴ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 93.

²⁵ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Учебное пособие. Вып. 1. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1962. С. 66.

²⁶ См., например: Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975. С. 201.

²⁷ Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.